

Алена Алексина

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Алена Алексина

Игра со Зверем.
Ход пешкой

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2013
САРМАЛА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
А48

Серия основана в 2011 году
Выпуск 74

Художник
А. Клепаков

Алексина А.
А48 Игра со Зверем. Ход пешкой: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 313 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-1557-1

Попаданки бывают разные. Но Кассандре повезло меньше остальных. Из современного мегаполиса она попала в чужой и жестокий мир. Точнее, не попала. Ее туда притащили силой. В этом мире нет белых единорогов, добрых фей и прекрасных принцев. Он вообще проклят. Одни здесь не умеют чувствовать, другие не отличают добро от зла. А все люди тут — рабы. И сам мир зиждется только на праве силы.

Да, Кассандра попала в очень страшную и жестокую сказку. И, похоже, она здесь единственная, кто умеет любить и сострадать. Сможет ли она изменить мир? Или мир навсегда изменит ее?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1557-1

©Алена Алексина, 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

Автор выражает глубокую благодарность Ольге Фост за деликатные замечания и ценные советы, а также Брутальной Старушке за безжалостную критику и увесистые подзатыльники.

Если можешь — беги...
Группа «Пикник»

ПРОЛОГ

Хлопнула дверь. Высокий мужчина вошел в залитый солнцем покой. С его появлением в комнате сразу стало тяжелее дышать, а свет как будто померк.

Широкоплечий, голубоглазый, красивый. Но во взгляде — мертвая застывшая жуть. Ни любви, ни обиды, ни ярости. Пустота. Страшная, непривычная.

— Торжествуешь? — спросил мужчина.

Женщина, стоявшая у окна, смотрела на него с болью.

— Нет, — ответила она, и голос был тверд. — Но я довольна.

За спиной вошедшего застыл худенький мальчик. Очень на него похожий. С таким же безжизненным взглядом. Он равнодушно глядел на взрослых и молчал.

— Вы заслужили. Все заслужили, — сказала женщина, тщетно борясь с рвущимся из груди рыданием.

Она отомстила. Но месть не принесла облегчения и радости, потому что не притупила боль потери и не умерила горечь предательства.

По щекам текли и текли медленные тяжелые слезы. Но мужчина словно не замечал страданий собеседницы. Посмотрел безо всякого интереса и уточнил:

— А о последствиях ты подумала?

Ему не было ее жаль.

Черные глаза женщины наполнились запоздалым пониманием. В них еще дрожала влага, но сейчас обиду и боль вытеснил медленно наползающий ужас.

— О последствиях? — спросила она сильным голосом и прижала руку к горлу, словно испытала приступ удушья.

— Да. Вот, например, мой сын. — Он кивнул на безучастно стоящего в стороне ребенка. — Он тоже заслужил твой гнев?

Собеседница отшатнулась, хватая ртом воздух. Кажется, только теперь начала понимать, *что* сотворила, и испугалась. Хорошо.

Мужчина подошел вплотную и заглянул в наполненные болью глаза.

— Я любил тебя...

Ответом ему были только горькая улыбка и отрицательное покачивание головой:

— Нет. — Тонкие пальцы нежно убрали с высокого мужского лба прядь светлых волос. — Ты не умеешь любить.

— Теперь да, — последовал согласный ответ. — Не умею. Ни любить, ни сожалеть, ни раскаиваться. А ты?

Холодные голубые глаза смотрели в душу.

Женщина почувствовала, как по лицу снова ползут обжигающие слезы обиды и разочарования.

Она *умела* сожалеть. И бояться. И раскаиваться. И все еще умела любить. Взгляд метнулся к ребенку.

— Я все исправлю... — прошептала она, глядя в безжизненные детские глаза. — Мальчик мой, я все исправлю!

— Нет. — Голос мужчины оборвал сбивчивые обещания. — Уже не исправишь. Ты все отдала во имя своей мести и теперь пуста. Исправить не удастся. Поэтому смотри.

Он дернул ее к себе и развернул, заставляя вглядываться в застывшее, словно маска, детское лицо.

— Смотри.

Она закрыла глаза и прошептала:

— Ненавижу тебя... За то, что ты сделал со мной... с нами.

— Увы. Я бы и рад ответить взаимностью. Но не могу.

Мужчина развернулся к сыну, безо всякой ласки подтолкнул его к дверям и вышел следом.

Женщина осталась одна с вихрем противоречивых чувств, бушевавших в груди. Главным из которых была не обида. Отчаяние.

Слезы лились недолго. Скоро внутри воцарилось глухое равнодушие. Словно умерло нечто такое, без чего жизнь навсегда утрачивает смысл. Так вот что он сейчас чувствует? Пустоту. Зияющую пустоту там, где раньше билось, кричало, ликовало и горело то, что принято называть душой. Но почему же эта пустота не дарует покоя?

Перед глазами стояло окаменевшее лицо мальчика, проклятого теперь так же, как и отец. А эта пустота! Пустота ее выжженной души в глазах ребенка! Единственного, кто по-настоящему любил ее, и кого любила она. Несчастный мальчик, за чужие обиды и ошибки оставленный один на один с черной зияющей бездной...

Слова заклинания всплыли в памяти сами собой, но теперь она взывала не к силе, которой не осталось, а к древней, как мир, магии демонов, берущей в оплату только жизнь. Последнее заклинание. Оно убьет творящую колдовство, но спасет ребенка.

В глазах потемнело.

Холодно! О, как холодно! Сердце глухо стукнуло в последний раз. Мальчик не будет проклят. И он сможет... обязательно сможет победить бездну, которая поглотила остальных.

ЧАСТЬ I

Не открывать глаза! Если ничего не видеть, может показаться, что все происходящее — лишь игра воображения. И этот тошнотворный запах, повисший в воздухе, — запах отчаяния и страха — тоже мнится. Однако безжалостный удар между лопаток никак не может мерещиться!

От боли крепко зажмуренные глаза распахиваются сами собой.

Яркое солнце ослепляет. Разве может в такой день случиться хоть что-то плохое? Небо прозрачное — ни облачка, только одинокая птица парит высоко-высоко. Сверху ей, наверное, отлично видны и деревянный помост из нестроганых досок, и стоящая на нем девушка, и толпа вокруг.

Люди кричат, потрясают кулаками, словно каждый хочет принять участие в расправе над виновной. Вот только в чем она виновата? Кэсс старается втянуть голову в плечи. Она чувствует себя обреченной и жалкой. Страшно!

Кто-то сзади, отчаянно воняющий чесноком и потом, накидывает ей на шею петлю. Тяжелая веревка падает на плечи. Толпа воодушевленно ревет, требуя казни, но обреченная едва слышит. Даже искаженные криками лица и сжатые кулаки сливаются для нее в одно расплывчатое пятно. Она смотрит невидящим взглядом перед собой и не верит в происходящее. Конечно, ее обязательно спасут. Иначе и быть не может!

Но жутко и неумолимо затягивается на шее веревка, оглушительными становятся крики... Только сейчас жертва начинает понимать, что все по-настоящему, все всерьез! Горло сжимает удавка. Еще несколько мгновений, и тот, кто стоит сзади, нажмет на невидимый рычаг, и доски помоста уйдут

из-под ног, а бесчувственное тело рухнет в пустоту. Девушка в ужасе озирается вокруг.

Неужели последнее, что она увидит — это искаженные ненавистью и криками лица? Но тут взгляд выхватывает среди беснующейся толпы плечистого светловолосого мужчину. Он не обращает внимания на окружающих и задумчиво смотрит под ноги, безучастный ко всему и всем. Даже одет странно для этого места — Кэсс с удивлением видит джинсовую рубаху, ворот которой небрежно расстегнут.

Мужчина высок, а в его облике таится столько свирепой силы и властности, что против воли хочется пасть ниц. Но вот незнакомец поднимает голову... Линзы солнечных очков бликуют на солнце, заросшее щетиной скуластое лицо каменно безразлично.

— О боже, нет! — стонет про себя стоящая на помосте. — Только не снимай очки, не снимай!

Но он улыбается и с нарочитой медлительностью делает то, чего она так боится. Голубые жестокие глаза смотрят без всякого выражения. Девушке хочется кричать. Из зрачков незнакомца глядит ей в душу черная безмолвная бездна. От ужаса подгибаются ноги. Петля на шее затягивается еще туже, и вот больше нет возможности сделать вдох. Мужчина смотрит на агонию жертвы и улыбается страшной улыбкой, которая затрагивает только губы, но совсем не касается глаз.

— Это можно прекратить. Пойдем со мной, — звучит в голове низкий, лишенный эмоций голос.

Бездна в глазах незнакомца затягивает, наполняет душу пустотой, словно по капле выпивает безмолвное сопротивление. И Кэсс, наконец, понимает — никто ее не спасет...

* * *

Она скатилась с кровати, рыдая от страха. Лицо незнакомца запомнилось до последней черточки: лишенный всякого выражения взгляд, пустая улыбка и поистине демоническое совершенство нечеловеческих, но при этом очеловеченных черт. Как будто из-под одной оболочки проглядывала другая — дикая, страшная, не имеющая ничего общего с миром людей.

И хотя сон испарился в одно мгновение, горло по-прежнему

му сводило судорогой, словно невидимая петля еще стягивала шею. В голове набатом звучало страшное: «Пойдем со мной!»

Куда? Зачем? Почему она? Эти вопросы сопровождали едва ли не каждое ее пробуждение, но получить на них ответы по-прежнему не удавалось. Не было ответов и сегодня. Поэтому пришлось подняться на ноги и брести в ванную. Там, бесстрашно стоя под потоком ледяной воды, страдальца ждала, когда холод выстудит из памяти горячечный ужас. Отличный способ борьбы со страхом, надо сказать! Если замерзаешь до состояния сосульки — всякие мелочи вроде жутких сновидений отступают сами собой. Вытирая голову полотенцем, девушка даже начала мурлыкать под нос какую-то бодрую песенку. Ну, вот и все. Нечего так трястись.

Увы. Ужас вновь стиснул горло, едва Кэсс откинула с лица мокрые волосы. Сердце подпрыгнуло к горлу, и девушка застыла перед зеркалом... Оттуда, тараша карие глаза, смотрело хорошо знакомое отражение: худенькая двадцатилетняя особа в мягкой фланелевой пижаме. Вроде бы ничего нового... вот только на шее у этой особы багровел след от веревки.

Побелевшие пальцы стиснули края раковины. Не смотреть! Не думать! Это лишь отголосок кошмара. Просто рашалились нервы...

Когда, набравшись смелости, она посмотрела в зеркало снова, то увидела привычную себя: с воспаленными от бессонницы темно-кариими глазами, похудевшую, затравленную, но, по крайней мере, без жуткой борозды на шее. Длинные мокрые волосы цвета «сгорающей в огне клюквы» (так этот оттенок окрестила одна из сокурсниц), конечно, смотрелись диковато, ну да ничего не поделаешь. Эксперименты со сменой имиджа не всегда бывают удачными.

— Ну и вид у тебя, баба Кася, — пробурчала девушка и отвернулась.

Через четверть часа из подъезда типовой пятиэтажки в липкий июльский зной мегаполиса вынырнула худышка в голубых джинсах, полосатой футболке и с пышной косой отчаянно-пламенного цвета. Она вытащила из сумки солнечные очки, включила плеер, привычно нацепила наушники и поспешила на автобусную остановку.

Все как обычно на протяжении последних двух лет. Меняется только одежда (в зависимости от погоды) и цвет волос (в целях разнообразия). Институт, работа, подработка, прогулка до дома, компьютер до поздней ночи, сон.

Четыре раза в неделю по вечерам Кэсс ездила на ипподром. Никакой романтики — всего-навсего уборка в стойлах да чистка лошадей, если доверят. И хотя деньги платили ничтожные, девушка была довольна, ведь ей позволяли бесплатно кататься верхом! Нечасто, конечно, и в основном на плохоньких лошадаках, но это ничуть не мешало наслаждаться процессом.

Запах конюшни казался самым приятным на свете, а доверчивые лошадиные морды выглядели иногда привлекательнее людских лиц. Намного привлекательнее.

Жаль, вторая работа была не столь приятна — приходилось суетиться официанткой в местном кафе. Не то чтобы такой уж крошечный ад, но отдаться общепиту навек не хотелось. Зато труд здесь имел свои плюсы. Например, научил быстро и незаметно пробираться через толпу, избегая лишних прикосновений, запоминать огромное количество информации и улыбаться, как бы пакостно ни было на душе. Последним навыком Кэсс особенно дорожила — в жизни частенько приходится улыбаться сквозь зубы, хотя она, если вдуматься, была счастливицей.

Во-первых, в октябре, когда она родилась и оказалась выброшенной в мусорный контейнер, жалобный младенческий плач чудом услышал дворник. Во-вторых, после распределения в детдом одна из воспитательниц отчего-то пожалела затравленную, похожую на забитого щенка четырехлетнюю девочку и, в конце концов договорившись с руководством, часто забирала ее к себе, а потом и вовсе перетянула на домашнее содержание. Чего ей это стоило, приемная дочь не знала и по сей день. Зато знала, что если бы не мама Валя — жизнь вряд ли сложилась бы так удачно. А в итоге безродная сиротка воспитывалась как в обычной, но, к сожалению, неполной семье, закончила с отличием школу, поступила в колледж, перевелась в институт на факультет лингвистики. И все было бы хорошо и по сей день, если бы однажды метельным январским днем мама Валя не оставила свою любимицу навсегда.

У Кэсс как будто отрубили половину души. Что-то безвозвратно нежное ушло в мерзлую землю вслед за мамой...

Во время похорон, коченея на ледяном ветру, вновь осиротевшая девушка ощущала лишь пустоту в душе, которую, как она понимала, теперь не заполнить. Хотелось плакать, но слезы не желали литься, стояли комком в горле, мешая дышать и говорить.

А спустя несколько недель после этого пришли кошмары. На первых порах они были неясными и оставляли после себя только легкую тревогу, но со временем все стало хуже. Светловолосый мужчина вторгся в сумбурные сновидения на исходе зимы.

...Грязная тесная улица чужого города. Мимо спешат, словно тени, безучастные люди. От постоянного мелькания лиц и спин рябит в глазах. Но вот один из идущих — высокий, светловолосый — замирает и оборачивается к растеряннo застывшей посреди тротуара незнакомке. На спокойном лице читается невольный интерес. Прохожий усмехается и медленно снимает солнцезащитные очки...

Кэсс проснулась, захлебываясь беззвучным криком, дрожащая и мокрая от пота. Никогда в жизни она не видела ничего ужаснее. Из прозрачных голубых глаз мужчины ей в душу смотрела бездна.

С этой ночи все пошло наперекосяк. Иногда реальность и сон переплетались: казалось, будто жутковатый блондин преследует свою жертву и в яви. Его силуэт мелькал в толпе, отражался в стеклах проезжающих автомобилей, маячил в темных подворотнях, а тень высокой плечистой фигуры крадась за Кэсс солнечными днями. Несчастливая то и дело оглядывалась через плечо, уверенная, что вот-вот увидит знакомое лицо и льдистые глаза, но натыкалась только на недоумевающие взоры прохожих. Должно быть, со стороны она выглядела как параноик или жертва многодневной шпионской слежки — озирающаяся, задерганная. Но при этом кожей чувствовала: за ней наблюдают.

Однажды, стоя на автобусной остановке, девушка будто перехватила чей-то пристальный взгляд. Незнакомый темноволосый мужчина в потоке пешеходов переходил дорогу. Прозрачные зеленые глаза посмотрели в упор. И таилось в них настолько нечеловеческое выражение, что захотелось

раскричаться, срывая голос. Брюнет удовлетворенно усмехнулся, подмигнул парализованной ужасом жертве и... растворился в толпе.

Да, Кассандра сходила с ума.

Увы, несколько походов к психиатру дали понять — помощи ждать не от кого, и несчастная, соскальзывавшая в пропасть безумия, выработала свою систему борьбы с кошмаром: холодный душ и много работы. Выматываясь, она валилась на кровать и засыпала без сновидений.

А еще старалась убедить себя, что все происходящее — шутки подсознания. Выдумала себе личного демона. Почему демона? Да кто теперь разберет. Но, проштудировав Интернет, даже дала ему имя — Амон. Властный демонический принц, командовавший, если верить эзотерическим источникам, сорока легионами духов. Мифическое жестокое существо, в чьей власти открывать прошлое и будущее, повелевать огнем и подчинять даже самых непокорных.

Все эти характеристики как нельзя лучше подходили голубоглазому мужчине из снов. И вот ведь что странно — теперь, когда у кошмара появилось имя, мириться с ним отчего-то стало легче.

* * *

После памятного видения про виселицу удавалось отвлекаться изнуряющей работой и крепким сном целый месяц — почти до начала августа. Именно тогда Кэсс, впервые за долгое время, решила добраться до дома на метро. Она задержалась на работе — в кафешке был банкет, и пока припозднившиеся клиенты разошлись, уже стемнело. В итоге так набегалась, что не нашла в себе сил на пешую прогулку.

Спустившись на станцию подземки, девушка в изнеможении прислонилась спиной к колонне и прикрыла слипающиеся глаза, тщетно пытаясь подавить необоримую зевоту. Нудно и противно начинала болеть голова. Скорее бы до дома добраться.

Спать, спать, спать.

...Она спрыгивает с платформы, стараясь не упасть и не приземлиться на третий рельс. Ей нужно всего лишь подобрать с закопченных путей монетку и вскарабкаться обратно.

Несмотря на предостерегающие крики, девушка бесстрашно наклоняется и поднимает тускло мерцающий кругляш. Должно быть, со стороны она похожа на сумасшедшую — кидаться на верную смерть ради какой-то мелочи!

Из глубины черного тоннеля уже приближается поезд, но Кэсс не слышит его, как не слышит и предостерегающих криков.

Она рассматривает монету. Та оказывается крупной и на удивление тяжелой, с неровными истертыми краями, но бесподобно отчеканенным силуэтом старинного города. Стройные башни, стрельчатые окна, разномастные крыши домов... Наверное, все эти подробности невозможно рассмотреть без микроскопа, однако чем дольше Кэсс вглядывается в диковинную чеканку, тем лучше видит. Изображение словно увеличивается в размерах, выплывает вперед. Уже можно рассмотреть зубчатые каменные стены, узкие щели бойниц, нескольких стражников у высоких ворот...

Ревет гудок. Поезд! Девушка лихорадочно сжимает в кулаке заветную монетку и кидается к платформе, но замирает с глупо протянутой вверх рукой и запрокинутым лицом. На уровне глаз оказываются темные ботинки на толстой грубой подошве. Не тянется спасительная ладонь, не слышатся ободряющие крики.

Незнакомец, облаченный в потертые джинсы и серую футболку, стоит на краю платформы и смотрит вниз. Глаз не видно за темными стеклами очков, но Кэсс узнает Амона и против воли отшатывается — к неминуемой смерти. Однако демон резко наклоняется, крылатая тень мелькает в равнодушном свете фонарей, и сильная рука сжимает запястье девушки. Обладательница диковинной монеты взмывает вверх, не успевая удивиться подхватившей ее свирепой силе. А за спиной уже грохочут вагоны тормозящего состава, и проносится душный ветер подземки.

Хочется кричать, но страх застывает комком в горле, и спасенная жертва только шепчет:

— Не снимай очки...

Однако яростные голубые глаза заклятого спасителя уже смотрят ей в душу, из зрачков глядит бездна. У Кэсс подкашиваются ноги. На жестоком лице Амона расцветает хищная улыбка, и девушка с ужасом видит Зверя. Неужели он спас

ее, чтобы уничтожить? Она сжимает в потной ладони монету, понимая — ни вырваться, ни убежать, ни проснуться уже не сможет... На запястье смыкаются стальные пальцы.

— Почему ты спас меня? — одними губами шепчет несчастная жертва, не в силах больше мучиться неизвестностью.

Амон склоняется к ней. От него исходит такой неистовый жар, что у Кэсс начинает кружиться голова. Теплое дыхание щекочет висок, и Зверь отвечает:

— Потому что ты моя.

* * *

— Кассандра...

Официантка Ленка сидела за пустующим столиком и лениво болтала ножкой:

— Что за имя у тебя такое? Как у порнозвезды.

Ох, как Кэсс хотелось надеть на хорошенькую белокурую головку этой нахалки кастрюлю из-под гаспачо, да еще постучать сверху половником! Но вместо этого она тепло улыбнулась и ответила, насыпая в солонку соль:

— К счастью, навязшие на зубах имена вроде «Лена» дают не всем. Так что завидуй молча. Или начинай сниматься в эротике — шансы стать Виолеттой, а то и Саломеей увеличатся многократно.

За стойкой заржал бармен Димка — ну чисто жеребец. Хорошо хоть посетителей еще нет. Да при посетителях подобное и не было бы сказано. Зачем?

Ленка надулась. Но на Кассандру ее обида не произвела никакого впечатления: обращать внимание на вьедливую склочную сплетницу? Если вовремя ее не обрубить на полуслове — таких гадостей наслушаешься, что ой-ё-ёй. А так подуется-подуется, зато весь оставшийся день будет паинькой. Вплоть до следующего раза.

Напарница и впрямь присмирела, даже подлизываться начала.

— Ну Кася, ну скучно же... — заныла она.

— А ты поработай. — Этот едкий профессиональный совет канул в пустоту.

Лентяйка только сморщилась, но с места не сдвинулась.

— Ну, Ка-а-а-ась... Ну расскажи...

Димка поддакнул:

— Правда, чего это так тебя называли-то чудно? Кассандра — это ж вроде что-то из Библии?

Девушка хмыкнула:

— Вообще-то из греческой мифологии.

— Ну и? — не смутился парень.

— Что «ну и»? Ну и называли меня так. А почему — не знаю.

Оба слушателя вздохнули, поняв, что развлекать их не будут. А Кэсс направилась расставлять солонки по столам. Ну правда, не рассказывать же этим балбесам, что на самом деле в свидетельстве о рождении ее записали Александрой, но мама Валя — большая затейница — не хотела называть девочку мужским именем: в маленькой Санечке и так хватало пацанских замашек. Поэтому долгое время она звала девочку просто «дочкой», а потом в одной из книг нашла миф о Кассандре (другая версия имени которой звучала, кстати, как Александра), а после еще и роман какой-то красивый прочла.

Поразмыслив, опекунша решила, что ее необыкновенной девочке сам бог велел носить необыкновенное имя, а тут еще так удачно нашелся подходящий «двойник» — и мифология тебе, и женственность, и значение. Так дочка стала Касей, а впоследствии Кэсс. Когда же пришло долгожданное совершеннолетие, девушка недолго думая решила придать домашнему прозвищу статус официального. Это стоило неоднократных походов в загс, написания заявлений и оплаты сколько-то рублевой госпошлины. В общем, мелочи в сравнении с тем, как плакала, растрогавшись, мама Валя. И как такое объяснишь кому-нибудь?

— Кась, — Ленка таки взялась за салфетки, — чего ты сегодня злая-то такая?

— Не выспалась, — отрезала напарница.

Кошмар про монету был первый за последние недели, и душа места не находила.

А может, просто пора лечиться? Добровольно сдать в больницу имени Кащенко, принимать пилюли, подставлять мягкое место под уколы, смотреть на всякие странные картинки и беседовать с сострадательным доктором? Кэсс даже заулыбалась — такой дурацкой показалась ей эта перспекти-

ва. Впрочем, улыбка быстро растаяла. Проклятый демон не давал покоя! Она вспомнила последние сказанные Амоном слова, и в сердце кольнула холодная игла. Всплыл в памяти страшный взгляд, никак не сочетающийся с вкрадчивой человеческой речью и теплым дыханием у ее виска. Похолодев, Кассандра поняла, что воспоминания балансируют на грани ужаса и наслаждения. Руки задрожали.

— Эй, ты чего? — удивленно спросила Ленка, глядя на катящуюся по полу солонку. — Хорошо хоть не разбилась.

Рассыпать соль — плохая примета... Господи, да куда уж хуже-то! Кэсс побрела в кладовку за веником.

* * *

Похоже, соль и впрямь рассыпалась не к добру. Кэсс едва доработала смену: мутило, лихорадило и корчило, словно злобный зверек пытался прогрызть плоть, чтобы вырваться наружу.

В квартиру девушка вошла уже на автопилоте. Захлопнула дверь и без сил рухнула на пол. Боль побеждала. Ах, мама Валя быстро набрала бы в шприц какой-нибудь но-шпы или анальгина и ввалила бы так, что полноги отнялось. Зато потом обняла бы, положила на живот теплую грелку и долго гладила по голове — пока боль не отступит, посрамленная совместными силами любви и фармацевтики. Но мамы больше не было. А сама себе Кэсс не сделала бы укол при всем желании — даже просто разогнуться и доковылять до кровати не могла.

Тянущие спазмы стали нестерпимыми.

— Помоги... Хоть ты помоги, сволочь бездушная... — всхлипнула девушка, сворачиваясь калачиком на полу прихожей.

Кого она просила сейчас о помощи? Вообще-то взывания к воображаемому демону — верная шизофрения. Но ведь и к собственному безумию можно привыкнуть. А уж если умолять о подмоге, так кого-то конкретного. Хотя... умереть бы уже, наконец, только не корчиться вот так — на старом линолеуме тесной малометражки.

Горячая рука легла на лоб, убирая с лица потные волосы.

Исполненные муки карие глаза встретились с прозрачными голубыми.

Он смотрел изучающе, словно впервые видел физическое страдание. Кэсс всхлипнула, понимая, что помощи ждать бессмысленно, единственный бонус от его появления — умереть не в одиночестве, а под присмотром.

Новый приступ режуще-рвущей боли скрутил девушку. Она закрыла глаза, готовясь кануть в вечность, но вместо этого куда-то поплыла.

Мелькнул хорошо изученный потолок, обклеенный дешевыми пенопластовыми плитками, скрипнула распахнутая небрежным пинком дверь в комнату, мягко хрустнул диван. Страдалица сжалась в комок, но сильные руки, легли на плечи и заставили выпрямиться.

Она снова заплакала. Зачем он ее мучает? Девушка инстинктивно хотела подтянуть колени к груди, чтобы облегчить боль, но получила хлесткий удар по голеним и вытянулась, как солдат. Новый спазм затмил собой все предшествующие. С ужасом Кассандра вдруг осознала, что из ее тела рвется нечто свирепое и бесплотное. Сейчас ее всю разорвет в клочки. Она опять попыталась съежиться, чтобы притупить страдание, и снова получила отрезвляющий удар. На этот раз по бедрам. Закричала, но сильная ладонь зажала рот, и несчастная подавилась собственным воплем.

Амон не произносил ни слова. Ничего не говорил, не успокаивал, не угрожал. Тишину нарушала только жалкая возня страдающей жертвы. Тело билось на диване, не желая смиряться с противоестественной для его нынешнего состояния расслабленной позой.

Ничего не выражающее лицо склонилось над Кэсс. Демон поймал ее безумный взгляд, и девушка затихла. С бездной она могла бороться еще меньше, чем с ним. Казалось, ее боль пьют через соломинку — медленно, вдумчиво. Кровь грохотала в висках, воздуха не хватало, руки демона казались каменно тяжелыми, а глаза, в которых бушевала непроглядная Тьма, совсем утратили сходство с человеческими.

И вдруг боль исчезла. Полностью. От внезапно нахлынувшей пустоты у Кассандры закружилась голова, а тело будто налилось свинцом.

— Теперь все, — спокойно сказал Амон. И это были первые его слова с тех пор, как он появился в ее квартире, — спи.

Ей бы, дуре, обрадоваться и уснуть с облегчением, но она поймала его за запястье и посмотрела с мольбой в голубые глаза:

— Ты не уйдешь?

Он уже собирался подняться на ноги, но в последний миг замер. Посмотрел по-прежнему без сочувствия, но во взгляде мелькнуло нечто похожее на удивление. Первое человеческое чувство в нечеловеческих глазах.

— А ты этого хочешь?

Девушка кивнула, все еще удерживая мужчину за руку. Он мягко, но настойчиво высвободился.

— Не уйду. Спи.

Кэсс смотрела на Амона с продавленного старенького дивана, и сердце обмирало. Привычная квартира, казалось, стала меньше по площади, даже мебель словно ссутулилась — такой он был мощный, плечистый и как-то очень заполняющий собой пространство.

Демон сидел, склонив светловолосую голову; руки, сжатые в замок, лежали на коленях, плечи расслабленно опущены, но отчего-то казалось, что сейчас в нем бушевала невидимая глазу сила, будто через человеческую оболочку рвался Зверь, выл и бился, но не мог найти выхода. На правом виске отчаянно пульсировала жилка. Это делало его почти обыкновенным.

Кассандра снова коснулась широкого запястья. Этот сон перестал быть страшным, и сейчас девушка не боялась. Хотелось прикоснуться к нему, своему давнему ужасу, ощутить его человеком, утратить последний трепет. Он вдруг ответил на прикосновение. Их пальцы переплелись, и необъяснимая истома разлилась по телу. Будто все те ночи, когда несчастная жертва мучилась бессонницей, разом навалились и смяли сознание.

«Как это смешно — уснуть во сне», — подумала Кассандра и провалилась в сладкую темноту. Только кончики пальцев, которыми она касалась Амона, пылали радостным теплом, как будто согретые над огнем. Наверное, он и был огнем...

Когда Кэсс проснулась, в окно светило грустное октябрьское солнце — дарило иллюзию тепла. Но тепло это, увы, не

имело ничего общего с тем, что еще грело кончики ее пальцев.

Конечно, сон был сладок, и, конечно, Амона рядом не оказалось. Горло отчего-то стиснула судорога, и девушка по-детски всхлипнула, первый раз в жизни подумав о том, что просто не хочет больше жить.

...В кафе было малоллюдно. Сидела сонная парочка, вяло пьющая кофе, да скучала без дела Ленка. Завидев напарницу, она оживилась и тут же затараторила:

— Вау, мать, ты чего какая зеленая? В гроб и то краше кладут. А ну, рассказывай!

По-хорошему следовало бы свести все к шутке, но так хотелось поговорить о человеке-демоне из снов, что Кэсс впервые сдалась. Хотя в общем-то не тот человек Ленка, перед кем стоило изливаться. Однако Кассандра и так слишком долго молчала, а сейчас еще и сожалела об исчезнувшем пламени... в общем, эмоции возобладали над здравым смыслом.

Устроившись в самом дальнем углу зала за одним из столиков, девушка в общих чертах поведала о демоне, о кошмарах и особенно вчерашнем странном сне.

— Я псих, — подытожила она и выжидающе посмотрела на разинувшую рот напарницу.

Та закатила глаза:

— Хочешь совет, Кась?

— Давай. — Кассандра даже подалась вперед, ожидая чего-то стоящего.

— Ты этому красавцу либо отдайся, либо заведи уже себе реального мужика и с ним... — доверительно сказала «подруга», — а то уж возраст у тебя, знаешь... для таких снов неподходящий. Хочешь, я с Димкой договорюсь? Он давно на твою попу пялится. Закроетесь в кладовке, он тебя...

И она засмеялась.

А Кассандра, не утруждая себя гневными речами, опрокинула недопитую чашку кофе на противную белобрысую голову. Ленка взвилась, захлебнулась эмоциями, стекающим по волосам напитком и топнула ногой.

— Дура сумасшедшая!

— Хабалка!

— Да я...

И быть бы драке, но чей-то пристальный взгляд обжег

спину. Кончики пальцев вспыхнули, словно вновь прикоснулись к пламени. Кэсс обернулась, чувствуя, как кровь отхлынула от лица. На нее смотрели прозрачные голубые глаза со звериным блеском в глубине зрачков.

— Я хотел попросить кофе, — сказал Амон задумчиво и добавил: — Но теперь сомневаюсь — стоит ли?

Ленка окинула посетителя оценивающим взглядом, миготом приосанилась, звонко рассмеялась и ответила, что вылитый на голову кофе — услуга, оплачиваемая отдельно, в соответствии с прейскурантом... стоит недешево. Потом заверила, что кофе, который он закажет, попадет непременно в чашку, однако, увы, нальет его не она, а вот эта в высшей степени профессиональная барышня... когда перестанет глупо тарачиться.

Мужчина даже не посмотрел на Кассандру. Ни когда она на деревянных ногах поспешила за кофейником, ни когда наполнила чашку горячим крепким напитком.

Казалось, посетитель всецело поглощен Ленкой. Похоже, он и кофе-то заказал, только чтобы скоротать время, пока эта смазливая вертихвостка переодевается и обтирает белобрысые патлы салфетками.

Как такое произошло?

Воспитанница мамы Вали совсем не умела флиртовать — мешала излишняя прямолинейность, а может, врожденная застенчивость. Зато блондинистая Ленка строила глазки виртуозно. Кэсс слушала ее, смотрела на мужчину и чувствовала, как замедляется время. Все стало на свои места. Незнакомец что-то отвечал кокетливой вертихвостке, пару раз даже улыбнулся, а потом предложил отвезти домой переодеться и, конечно, клятвенно пообещал вернуть на рабочее место.

Тем временем незамеченная им огненно-рыжая официантка стояла со своим кофейником как пригвожденная. За бесконечно долгие десять минут, что мужчина находился в кафе, страшное понимание медленно убивало девушку: ее ночной кошмар — всего лишь клиент заведения, а нездоровое воображение перенесло его образ в сны, создало видимость мистического ужаса, дало имя. Она сошла с ума. Никаких сомнений в этом больше нет.

Увлеченная разговором и друг другом парочка направи-

лась к выходу, Ленка бросила на застывшую напарницу полный торжества взгляд. Та зачем-то помахала в ответ деревянной рукой. Хлопнула входная дверь.

Спустя пять минут Кассандра написала заявление об уходе, молча вручила удивленному администратору бумажку с подписью и свой фартук. Она не хотела ни с кем разговаривать, ничего объяснять, выслушивать уговоры, доводы или гневные отповеди. Димка из-за своей стойки смотрел круглыми глазами, порывался что-то сказать, но она проигнорировала его и вышла, застегивая на ходу куртку. В голове прочно засело решение все закончить. Все.

Лица прохожих казались размытыми, нечеткими, серыми. И небо было тяжелым, свинцовым. Воздух превратился в вязкую муть, словно город погрузился на дно грязной лужи. Даже кричащая реклама больше не кричала, а невзрачно бледнела сквозь пелену октябрьской мороси.

У Кэсс не осталось сожаления. Все это — серое, мутное, грязное, ненастоящее — покинуть не жаль. Да и есть ли вообще этот город, дома, голые мокрые деревья? Может, все это, включая ее странную жизнь, лишь бред одинокой душевнобольной? Может, в действительности она сидит в палате для буйно помешанных, бормочет невнятицу и дергает себя за волосы? Или ее кошмары ожили? Или она заснула и больше не сможет проснуться, так и останется блуждать в лабиринте собственного подсознания?

Серый город, серое небо, серые люди, серое метро, серые улицы, серый подъезд и ее пустая серая квартира маячили где-то на периферии сознания. Не разуваясь, девушка прошла в ванную и уставилась в зеркало. На долю секунды почувдилось, что за спиной стоит Амон. Кэсс обернулась, но, разумеется, никого не увидела. Она словно наблюдала за собой со стороны, но при этом глазами двух абсолютно разных людей.

Каркающий хохот нарушил тишину квартиры. Пальцы стиснули края раковины, голова склонилась вниз, а тело затряслось от неудержимого безумного веселья. Кассандра хватала ртом воздух, но не могла остановиться, припадок оборвался лишь после случайного взгляда в зеркало. Оттуда смотрело существо, по мертвенно-белому лицу которого

ползли мокрые дорожки слез. Синюшные губы кривились в дикой улыбке.

Загнанная в ловушку собственного ужаса жертва повалилась на пол и завывала:

— Я не могу та-а-ак... Я не могу-у-у!..

Что о ней думали соседи, девушку не волновало. Постепенно сил выть не осталось. Кэсс впала в ступор. Смотрела на мокрые от слез колени, в которые чуть не час тыкалась лицом, и обдумывала финал. Веревка? Негде закрепить. Таблетки? В аптечке только анальгин и зеленка. Прыжок? Страшно. Лезвие? Хм.

Она поднялась и направилась на кухню. Долго и усердно точила об брусок длинный нож для резки овощей (ну не безопасной же бритвой пилить собственные руки?). Проверила пальцем на остроту и удовлетворенно слизнула выступившую каплю крови. Теперь отлично.

Где? Конечно, в ванной.

Как назло, вентиль, открывающий горячую воду, повернулся вхолостую, кран поплевался, пофыркал, но в раковину упало лишь несколько ржавых капель. Отключили. Ну да, на двери подъезда висело объявление — что-то про ремонтные работы... Ладно.

Кассандра снова села на пол и сделала глубокий вдох, собирая в кулак всю свою невеликую отвагу. У нее никого не было роднее мамы. Она умерла. У нее никого не было в этом мире ближе демона. Но его не существовало. Однако рука, державшая нож, дрожала, будто оставалось нечто, удерживающее Кэсс среди живых.

* * *

Она стоит на просторной крыше гигантского небоскреба рядом с Ленкой. Та глядит с искренним сочувствием, даже уголки губ страдальчески опущены. Кажется, в мире, кроме них двоих, не осталось больше никого. Девушка боязливо смотрит вниз. От страха потеют ладони — не видно города внизу, все окутывает клубящийся черный туман.

— Прыгнем вместе? — вдруг предлагает напарница и протягивает руку.

Подчиняясь чужой воле, Кэсс двигается вперед. Идти не

хочется. Как будто не она всего несколько минут назад мечтала о покое и забвении! Внутри бьется и кричит от ужаса что-то очень-очень важное, какая-то не обезумевшая еще часть сознания: «Жить! Жить!!!» Она вдавливает этот крик вглубь души, делая совсем неслышным.

— Давай, — соглашается Кассандра и берет Ленкину руку в свою.

Время останавливается. Последний шаг. Всего один. Его проще делать, когда рядом есть кто-то, готовый разделить ужас падения и восторг исчезновения. Но позади возникает высокая фигура, и на крыше будто становится меньше места. А Ленка, предательница, тут же вырывает ладонь из холодных пальцев единомышленницы и льнет к мужчине. Прячет лицо в твердое плечо и замирает, блаженствуя. Амон берет белокурую голову кокетки в ладони — сейчас поцелует...

Кассандра хочет зажмуриться (боль, что он снова выбрал не ее, мешает дышать), но демон бросает поверх светловолосой девичьей макушки пронзительный взгляд на свою жертву, и у той холодеет в груди.

Мужчина улыбается и, не отводя глаз, резко сталкивает доверчиво ждущую поцелуя Ленку в клубящуюся мглу. В лице его ничего не меняется. Все с той же холодной улыбкой он смотрит на другую свою жертву, а в зрачках клубится та самая тьма, которая поглотила беззвучно рухнувшую с крыши девушку.

Амон делает шаг вперед. Кассандра смотрит, не отводя глаз.

«Беги! Беги! Беги!!!» — надрывается все тот же голос, который минуту назад требовал жить.

Словно услышав эти мятежные мысли, палач бросается к своей жертве. Неужели человек может двигаться с подобной скоростью? Хотя какой он человек...

Страшно... Невыразимо страшно! Поэтому Кэсс отпрыгивает в сторону и, зажмурившись, делает шаг с крыши. Ледяной ветер ударяет в лицо, она раскидывает руки ему навстречу, словно надеясь не упасть, а взлететь.

Но где-то наверху слышится яростный звериный рык, и в ту же секунду девичье тело оказывается безжалостно схвачено.

— Хочешь умереть? — шипит мучитель. — Я тебе помогу.

Ужас стиснул горло. Самоубийца очнулась. По левому запястью одна за другой бежали тяжелые вязкие капли.

Девушка тупо глядела на окровавленную одежду и пол. Бешено колотилось сердце. Сколько бы еще она так просидела — неведомо, но тут резко задребезжал дверной звонок.

Рука скользнула по кафелю, затылок встретился с бортиком ванной. Шипя от боли и злости, хозяйка квартиры поднялась на ноги и побрела к двери.

На пороге стояла Ленка с сострадательной миной на лице — чистая, переодевшаяся и... виноватая.

— Кась, ребята сказали, ты заявление написала, и я... вот... в общем... Ну, прости меня, ляпнула сдуру. Ты ж знаешь — я такая. Чего уж сразу увольняться-то? — И она повисла на створке, пытаясь вдавить ее внутрь и прорваться в квартиру.

— Лен, я не обиделась, — слабым голосом начала успокаивать ее виновница кафешного переполоха. — Просто надоело все. Ты на свой счет не принимай...

Приятельница кивала, но продолжала отчаянный натиск. Кассандра же упрямо старалась удержать позицию. Однако едва взгляд гостьи упал на окровавленное запястье, нажим на створку усилился, и напарница буквально ввалилась в квартиру.

— Ты что — сдурела?! — закудаhtала она, хватая подружку за ладонь. — Ты вены, что ли, резала?

Вены? Кэсс только сейчас осмысленно посмотрела на изувеченную руку, а поскольку адреналин уже схлынул, от одного вида безобразного пореза сделалось дурно. Незадачливая самоубийца начала медленно оседать вдоль стены. Сквозь туманную круговерть она услышала грохот, словно кто-то со всей дури распахнул входную дверь. Ленка что-то кричала, а потом все кануло в темноту.

Густая пелена рассеялась сразу же, как только на руку щедро плеснули чем-то, безусловно, исцеляющим, обеззараживающим и щиплющим. Счастливо спасенная жертва суицида неблагодарно зашипела.

Странно, что верещащую о «скорой» Ленку слышно откуда-то издалека. Тогда кто же обрабатывает рану? Кассандра с трудом повернула тяжелую после обморока голову. На

нее смотрел Зверь. Желтые глаза, узкие вертикальные зрачки, хищная искра в глубине. Рот сам собой распахнулся для крика, но звериный взгляд стремительно сделался человеческим — голубым и пронзительным. Девушку затрясло. Она вырвала руку, не заботясь, что на рану еще не наложен бинт, и забилась в угол дивана, на котором, оказывается, лежала.

— Лен, у подружки твоей истерика, — констатировал мужчина, — посмотри, на кухне водки нет? Ну, или другого чего-нибудь. Да хватит вопить! Порезался человек, бывает.

— Да? — Ленка с мокрой половой тряпкой в руках выглянула из коридора, — Андрей, *случайно* запястье не режут! Ее в больницу надо, глаза же бешеные!

— Проверь, есть ли в холодильнике водка.

Он не повысил голоса, даже не взглянул на обеспокоенную работницу общепита, но та, обычно до крайности строптивая, послушно развернулась и ушла на кухню.

Дрожащая Кэсс что было сил оттолкнула склонившегося к ней мужчину. Он отшатнулся, а девушка, пользуясь секундным замешательством, вскочила на неверные ноги.

— Не подходи!!! — заорала она, схватила с журнального столика тяжелую вазу с сухоцветами и замахнулась.

Андрей спокойно наблюдал. И хотя он сидел на диване, а хозяйка квартиры стояла перед ним в полный рост, глаза их находились почти на одном уровне. Девушку колотило от бешенства, а незваный гость будто наслаждался ее страхом.

О, сейчас обладательница уютной малометражки согласилась бы на любую больницу и палату, лишь бы подальше от этого существа. Все кошмары всплыли в памяти, мыслить здраво больше не получалось — первобытный ужас бился и визжал, требуя немедленно спастись.

Килограммы хрусталя обрушились в пустоту — только что сидевший на диване мужчина вдруг оказался рядом, перехватил руку своей жертвы и больно стиснул. Девушка разжала пальцы. Ваза выпала, но даже не успела долететь до пола. Как все это случилось, Кэсс не поняла. Вроде только что она стояла над Андреем — и вот уже корчится с вывернутой рукой, а ваза снова чинно стоит на журнальном столе. И лишь сухоцветы на полу означают — не примерещилось.

Сильные руки толкнули разбуянившуюся особу обратно

на диван, и она кулем повалилась туда, откуда героически вырвалась несколько секунд назад. Мужчина снова сел рядом и протянул ладонь, требуя израненную руку для перевязки. В его лице не было ни угрозы, ни гнева — каменное спокойствие и уверенность, что жертва подчинится.

Но вместо этого девушка задрогала ногами и завопила, как в припадке. Она хотела проснуться и в то же самое время понимала — этого не произойдет. Кошмар стал явью.

Крик оборвала хлесткая пощечина. Одновременно с этим в комнату ворвалась Ленка с дергающимся лицом и стопкой водки в руке. Она не успела увидеть ничего из случившегося, только слышала безумные вопли подружки, а потом звук оплеухи.

— Пей, — спокойно приказал Андрей.

Еще оглушенная тяжелой затрециной, Кассандра автоматически опрокинула содержимое рюмки в рот и сползла на пол.

— Послушай. Успокойся. — Он встряхнул девушку за плечи. — Я подвозил твою подружку, а когда мы вернулись, ее попросили провести тебя, и раз уж я взялся сегодня творить добро, то решил доставить ее по адресу. Понимаешь?

— Андрюш, давай вызовем «скорую», ну пожалуйста... — простонала вышеозначенная «подруга». — Посмотри, у нее же припадок.

Кэсс побелела, мужчина замер и тихо сказал:

— Успокойтесь обе. Сейчас мы поьем чаю, и вас отпустит. Ты приготовишь? — Он с улыбкой повернулся к своей спутнице.

И снова Ленка беспрекословно подчинилась и ушла на кухню греметь чашками. Едва она покинула комнату, улыбка слетела с лица вершителя добрых дел, и он навис над Кассандрой:

— Она права? Ты осмелилась на самоубийство?

Горло снова стиснул ледяной обруч, но девушка заставила себя посмотреть в пристально изучающие ее голубые глаза:

— Не твое дело. Уходи.

— Ты осмелилась на самоубийство? — В голосе послышался нарастающий гнев.

— Пошел вон! — закричала Кассандра.

Он не демон. Просто спортивный малый с хорошей реакцией, самоуверенный и наглый, внешне похожий на ее ночной кошмар. А все остальное вызвано ее расшатавшимися нервами, болью, снами и потерей крови. Но он обычный человек, и, выгнав его, можно будет все обдумать и решить, как жить дальше.

Мужчина замер, а потом, наклонившись к своей жертве, тихо сказал:

— Сейчас ты перестанешь истерить и пойдешь пить чай. Ты будешь спокойна и гостеприимна, иначе я уже наяву и с большим наслаждением вышвырну твою подругу из окна. Поняла?

Сглотнуть засевший в горле ком у Кэсс не получилось.

Несчастливая растерянно огляделась, словно ища, за что бы ухватиться медленно плавящемуся рассудку. Та же квартира. Те же обои. Все то же самое — родное и привычное. Но на расстоянии вытянутой руки — человек с бездной в глазах. Как он смеет здесь распоряжаться, угрожать, распускать руки? Кассандра не предполагала, что способна так разъяриться. Она притянула склонившегося к ней демона еще ближе.

— Да ты никак надеешься меня испугать... Думаешь, ты такой страшный?

Девушка отстранилась:

— Я отлично помню свой сон. Помню, как ты ринулся за мной, как подхватил. Ты *очень* боялся меня потерять. — Она опасно улыбнулась. — Я даже поняла, что у меня есть нечто такое, что тебе крайне необходимо и чего не сможет дать никто другой.

Желваки на его скулах обозначились резче, во взгляде снова разгорелось бешенство. Мужчина резко подался вперед. Но Кэсс не отступила, хотя сердце билось так, что, казалось, вот-вот проломит грудную клетку. Девушка загнала страх поглубже и с нежной улыбкой вложила порезанную руку в пылающую жесткую ладонь.

— Перевязывай, заботливый мой.

Голубые глаза вспыхнули. Из глубины вертикальных зрачков ринулся Зверь, вытесняя все то небольшое и хотя бы относительно человеческое, что было в том, кто называл себя Андреем. Кассандра забыла дышать. Хищник рвался в мир

людей, когтями срывая с себя остатки человеческой плоти. Ни борьбы, ни попыток удержать Зверя, он был полностью в своем праве.

— Ребята, у меня все готово, — позвала Ленка.

Только это будничное вмешательство и спасло строптивцу. Рассвирепевший Зверь, уже готовый к последнему прыжку, отступил и снова канул в бездну. Мужчина невозмутимо закончил перевязку, помог девушке встать на подгибающиеся ноги и вслед за ней пошел на кухню.

И снова Кассандра словно разделилась надвое. Одна спокойно пила чай, немногословно отвечая на Ленкины вопросы и пресекая все ее попытки заговорить о врачебной помощи, а другая судорожно размышляла.

«Все происходит слишком быстро, — подумала девушка, беря кружку с чаем. — Нужно отдышаться и понять, что со мной такое. Это очередной сон или все-таки явь? Мне обязательно нужно поразмыслить, но именно это он и не позволяет сделать».

— Как здесь мило, — усмехнулся Андрей, окидывая взглядом васильковые занавески и развешанные по стенам картины забавных котов.

Хозяйка новым взглядом оглядела простенькую кухню: угловой диванчик, обитый дерматином, стол с бамбуковыми циновками, голубой чайник на плите, — и вдруг возненавидела этот уют. Не радовали ни веселые желтые обои, ни рисованные коты. Хотелось все расшвырять, чтобы вместо порядка и чистоты на кухне воцарился хаос. Но тут она поймала взгляд демона и поняла — именно этого он и добивается.

Кэсс поднялась из-за стола, поблагодарила, давая гостям понять, что больше в опеке не нуждается.

— Хорошо, — кивнула Ленка, глядя на нее не совсем с доверием, но без настороженности. — Пойдем, Андрей?

— Уходишь ты, — холодно ответил мужчина.

И упрямая блондинка тут же послушно выпорхнула в прихожую, торопливо оделась, повозилась с замком... Вот хлопнула входная дверь, и каблучки застучали по ступенькам.

Заледеневшая Кэсс осталась с чужаком наедине. Если он сейчас не уйдет, она сломается.

— Андрей, мы не знакомы, я не хочу, чтобы ты оставал-

ся, — хотела жестко отчеканить, но слова прозвучали жалко и неубедительно. — Не заставляй тебя выгонять.

— Хотел бы я на это посмотреть, — тихо проговорил он, но поднялся.

Высокий, весь в черном — от джинсов до кожаного пиджака, а глаза прозрачно-голубые. Красивые. Если бы не бездна, затаившаяся в глубине зрачков, — почти человеческие. Льяные волосы убраны назад, но одна прядь постоянно выбивается и падает на высокий лоб. Он был бы красивым, если бы был человеком.

Кассандра дрожащими руками открыла дверь:

— Прощай.

— Так уверена, что мы больше не увидимся? — усмехнулся он.

— Высказываю желание.

Ее голос не трясся — она старалась. Хотя толку-то? Все равно он чувствует ее страх, наслаждается им.

Девушка чудом сдерживалась, чтобы не дрожать под пустым нечеловеческим взглядом. Демон вернется, понимала она, и продолжит мучить ее во сне. А он понимал, что она понимает, и улыбался. Он был очень улыбочивым. И потому от него хотелось бежать, захлебываясь ужасом и криком.

Он все-таки перешагнул через порог, но вдруг остановился.

— Мне будет очень приятно дотронуться до тебя... когда придет время, Кэсс, — сказал мужчина задумчиво. — К тебе вообще приятно прикасаться. До скорой встречи... завтра.

— Я тебя не впускаю.

— Я войду сам.

— Андрей, зачем я тебе?

Уголки его губ слегка дрогнули. Светловолосая голова склонилась, горячее дыхание коснулось виска собеседницы:

— Ты же дала мне другое имя. Как ты называешь меня, когда спишь, когда бодрствуешь и когда... — он сделал паузу, — мечтаешь обо мне?

Кассандра слушала вкрадчивый шепот, и голова у нее кружилась. Он не был человеком, но человеческие эмоции мог изображать в совершенстве. Все вокруг казалось каким-то ненастоящим, кроме этого шепота и щекочущего виск горячего дыхания Зверя.

— Я не мечтаю о тебе! — Она отпрянула, уцепившись для верности за дверной косяк.

Он выпрямился и сказал:

— Может, и нет. Но имя. Мое имя. Назови его. — И снова склонившись, шепнул: — Я хочу узнать, угадала ли ты. Смогла ли понять меня, понять, *что* я такое?

— Ты демон, — выдохнула Кэсс.

— Верно. А мое имя? Ну же!

— Амон. Ты Амон!

Ставшие вмиг желтыми глаза полыхнули торжеством, он отступил от двери, и девушка, растеряв остатки смелости, с грохотом ее захлопнула.

* * *

Проснулась Кассандра, словно ее толкнули. Электронные часы на журнальном столике показывали 00:00. Старый тополь за окном качался под ветром и размахивал ветками, из-за чего темная спальня наполнялась движением теней.

— Наступило завтра. — Она нарочно сказала это вслух — хотелось рассеять атмосферу одиночества.

Но одиночество и не подумало рассеиваться. Пришлось сесть на диване и зябко обхватить руками плечи. Почему так пусто? Вроде бы все есть — работа, учеба, квартира... Отчего же постоянно кажется, будто что-то не так?

Девушка поднялась и направилась в ванную. На стиральной машине все еще лежал нож. И блестел маняще, обещал избавление. Только протяни руку и... нет. Нужно жить.

Она повернула вентиль горячей воды, с опозданием вспомнила, что ее нет, и тоскливо вздохнула. Ну, хоть холодной быстренько окатиться. Ледяные струи обрушились на макушку, обожгли кожу. Девушка пискнула и заплясала в студеной воде, осознав всю опрометчивость своего поступка. Полотенце! Теплое! Мягкое!

Кэсс отдернула целлофановую штору — и застыла с нелепо тянущейся к пустой вешалке рукой, с мокрыми волосами, облепившими тело почти до поясицы, покрытая мурашками и ледяными каплями. Амон стоял напротив и смотрел с интересом.

— Замерзла? — Низкий ровный голос.

И все же в пустом взгляде промелькнуло какое-то выражение, какое-то чувство, которое девушка не успела истолковать. Да и не до толкований было! Она залилась густой краской и рванула занавеску обратно. Из своего укрытия Кассандра услышала короткий смешок.

— Как... как... — пролепетала она, в смятении озираясь.

Чем прикрыться? Ну не мокрой же клеенкой, которая единственная сейчас отгораживала ее от демона?!

— Не задумываешься, как я вышел из сна в реальный мир, но при этом недоумеваешь, как попал в убогую квартирку с хлипкой дверью, — насмешливо сказал он. — Завтра настало. Я вернулся.

Занавеска медленно поползла в сторону. Кэсс в ужасе вцепилась в край, не позволяя агрессору отдернуть ее совсем, и при этом с ужасом понимая, что данная попытка сохранить приватность до крайности смешна. Да разве остановит его какой-то целлофан?

Однако в образовавшийся проем просунулась рука с полотенцем, которое девушка поспешно схватила, пока Амон не растерял остатки благодущия.

Жгучий стыд разогнал кровь по жилам. Кассандра заворачивалась в полотенце и злилась — нарочно, что ли, подал самое узкое? Ведь висело же на двери широкое банное! Кое-как спрятавшись за полоской тонкой махровой ткани, девушка решительно отдернула клеенку.

Как вылезти-то, господи?! Надо перешагнуть через бортик, а на ней это посмешище. Несчастливая застыла. А ночной гость стоял недвижимо и наслаждался ее смятением. Он словно занимал все свободное пространство без того тесной ванной и забирал себе воздух, которым дышала девушка.

Смелость и злость даже не думали приходить на помощь Кэсс. Сердце предательски ушло в пятки. Перед ней был Зверь. Огромный, сильный, жестокий. Она не боялась умереть, но боялась Амона. Почему? Что же такое, что дороже жизни, ему по силам у нее отобрать? Беспомощная жертва стояла, тяжело дыша, и тщетно боролась со страхом.

— Мне... надо выйти, — кое-как выговорила она наконец, надеясь в душе, что он поймет намек и покинет крохотный пятачок свободного пространства перед ванной.

Снова стало зябко. Короткое полотенце прилипло к мок-

рому телу, кожа опять покрылась мурашками. К тому же совсем не хотелось стоять беззащитной под пронзительным взглядом насмешливых глаз.

— Я не мешаю.

Он не спеша приблизился и провел горячей ладонью по влажному плечу, сдвигая мокрую прядь огненных волос. Кэсс окаменела. Демон задумчиво смотрел на ее напряженную шею и прерывисто вздымающуюся грудь, облепленную влажным полотенцем. Кончики пальцев, будто хранящие тепло огня, дотронулись до жилки на шее, скользнули вниз, к впадинке между ключицами. Кассандра вздрогнула, и улыбка мужчины стала чуть шире. Он забавлялся ее дрожью! Горячие пальцы медленно, очень медленно опустились и соприкоснулись с краем полотенца, мягко сдвигая его в сторону.

Девушку заколотило. Он не раздевал и не ласкал, скорее унижал, но сердце почему-то сумасшедше билось, изнутри поднималось тепло. Казалось, будто вся кровь прилила к лицу. Полотенце медленно поползло вниз, и растерянная скромница поспешно прижала его руками к телу, однако вырваться и сейчас не осмелилась. Амон как пламя — то затаится, то вспыхнет, и предсказать, как он поступит через мгновение, было невозможно. Поэтому несчастная жертва предпочитала стоять, не шелухнувшись.

Но тепло, исходившее из его рук, согревающее, ласковое...

— Разве зло может согревать? — тихо, словно спрашивая саму себя, прошептала Кэсс.

Демон, услышал и озадаченно повел бровью, после чего сжалился наконец.

— Одевайся.

И вышел, не до конца прикрыв дверь. Девушка кожей чувствовала его присутствие. Пospешно одеваясь, она забыла, что на стиральной машине все еще лежит злосчастный нож, и, натягивая халат, нечаянно задела его. Рукоятка звонко ударилась о кафель. Дверь тотчас распахнулась, Амон возник на пороге, перегородив выход. Кассандра увидела, как застыло спокойное лицо при взгляде на тускло мерцающий клинок. Он смотрел, и глаза словно сковывал иней.

— Если ты еще раз посмеешь... — начал мужчина, но Кассандра перебила.

— Захочу умереть, не остановишь, — сказала она твердо.

— Остановлю. — В его голосе звучала такая незыблемая уверенность, что девушка взбесилась.

Уж чем-чем, а своей смертью она вольна распоряжаться!

— Не сможешь! — отрубил строптивица.

Недобрый взгляд хлестнул по нервам.

— Я могу с тобой делать все, что захочу. Запомни. — И он так красноречиво посмотрел в глубокий ворот халата, что ладонь сама собой взметнулась для пощечины.

Зря. Смиренная покорность была эффективнее.

Стальные пальцы сомкнулись на запястье. Еле уловимое движение и рука оказалась неестественно вывернута.

— Я быстрее тебя, сильнее и, чего уж там, умнее, — ледяным голосом сообщил Амон, без труда удерживая жертву, — поэтому именно я буду решать, когда тебе умирать.

В этот самый миг Кэсс поняла, что как раз теперь демон всерьез намерен принять решение, для нее не совместимое с жизнью, и обреченно рванулась. Раздался отвратительный хруст. Белая как полотно, девушка стала оседать, хватая ртом воздух. В голове помутилось от боли. Вскинув страдальческий взгляд на своего мучителя, Кассандра заметила, как в хищных глазах промелькнуло нечто, что она из-за подкатывающей дурноты приняла за испуг.

Конечно, это воображение — существа вроде Амона не могут бояться и переживать. Однако же он подхватил ее на руки и с досадой выругался, словно только теперь понял, с каким хрупким и хлопотным материалом имеет дело.

— Неужели мои прикосновения настолько противны? — прошипел демон. — Ведь ты не так давно сама звала меня и просила не оставлять!

Из глаз несчастной потекли слезы. Он и вправду ее не понимал. А она не понимала его. Да и как? В нем господствует нечто, идущее вразрез с человеческими представлениями о самосохранении. В нем живет огонь: свирепое пламя и ласковое тепло. Вот он опустил ее на диван, но по лицу ходят жуткие тени.

— Ты... ты страшный, — простонала Кэсс, глядя во тьму, беснующуюся в его взоре.

— Я? — Он склонился ниже. — А если покажусь настоящим?